

Похоже, воспоминания о прошлом и в самом деле вызывают у него головную боль. Руки Линь Цинмэна заметно дрожали, да и сердце было беспокойно.

— Не думай об этом, перестань, — его обычный ровный голос прозвучал чуть быстрее, чем обычно. Линь Цинмэн полюбнял Фэн Синхэ и еще раз направил в него поток духовной энергии. — Стало лучше?

— У-ух... — Фэн Синхэ шумно выдохнул, обхватив голову руками, и спустя некоторое время пробормотал: — Стало. Учитель, что со мной происходит?

— Ничего страшного, — Линь Цинмэн отстранился и снова сел на край кровати. — Должно быть, ты когда-то сильно ударился головой, и это привело к потере некоторых мелких воспоминаний. Впредь не заставляй себя вспоминать то, что забыто.

Фэн Синхэ кивнул. Вполне вероятно. Пока он скитался в поисках пропитания, ему не раз доставалось, наверняка тогда и получил по голове.

Линь Цинмэн вздохнул и посмотрел на него долгим взглядом.

— Вода в тазу чистая, умойся поскорее, пора отдыхать.

Сказав это, он натянуло одеяло и лег, не оставив ни малейшего намека на то, что готов подвинуться.

— Хорошо, Учитель, я понял.

Фэн Синхэ почесал затылок — голова больше не болела, — и поднялся. В этот момент он случайно взглянул на лежащего с закрытыми глазами Линь Цинмэна... Как же хорош Учитель.

А-а-а! Фэн Синхэ, что ты творишь? Только что паялся на спину Учителя, а теперь опять застыл!

Он едва удержался, чтобы не дать себе пощечину. Впрочем, нельзя же винить его целиком — кто устоит перед такой красотой при свете луны? А эта тонкая талия...

Нет, нет! Быстрее умыться и спать!

Фэн Синхэ яростно замотал головой и быстро подошел к тазу. Случайно бросив взгляд на кушетку, где еще недавно сидел Линь Цинмэн, он заметил там одеяло.

Он выдохнул с облегчением. Значит, эта кушетка — его кровать на ночь. И слава богу!

Он ни капли не хотел спать с Учителем в одной постели. Кто знает, вдруг он не устоит перед соблазном, а тогда, чего доброго, и до смерти забудут, да еще и из ордена с позором выгонят. Две кровати — куда надежнее.

Он снова повернул голову и, несмотря на капли воды на лице, украдкой посмотрел на Линь Цинмэна. Его кадык дернулся. Как же он прекрасен!

Хлоп! Хлоп!

Фэн Синхэ с силой ударил себя по щекам, надеясь выбить из головы дурные мысли.

Линь Цинмэн изначально собирался спокойно поспать, но шум, производимый Фэн Синхэ, не давал ему покоя.

— Ты, мерзавец! Если хоть пальцем меня тронешь, я прикажу отцу сжечь твою никчемную гору!

— Если будешь заставлять меня, я спрыгну с обрыва!

— Какой ты учитель? Ты просто подонок! Я ненавижу тебя! Ненавижу!

В памяти всплыли события далекого прошлого — настолько давние, что он не должен был их помнить.

Линь Цинмэн сжал кулаки под одеялом. Приоткрыв веки, он незаметно взглянул на Фэн Синхэ, внезапно усмехнулся и едва заметно шевельнул пальцами.

В комнату ворвался порыв холодного ветра, открытое окно противно заскрипело. Фэн Синхэ вздрогнул. Откуда взялся такой ветер?

Он вытер лицо рукавом и направился к окну, чтобы закрыть его и наконец лечь спать.

— А-а!

— Мамочки!

За двумя вскриками последовал грохот: что-то тяжелое упало, таз перевернулся, вода разлилась, и, разумеется, этот шум встревожил «почти заснувшего» Линь Цинмэна.

— Учитель, я не нарочно... — Фэн Синхэ в суматохе выбрался с кушетки и чуть не плакал, глядя на сидящего в постели Линь Цинмэна.

Он сам не понял, обо что споткнулся: вроде бы уже обошел подставку для таза, но каким-то образом налетел на нее, сбив таз и рухнув вместе с конструкцией на кушетку. Вода из таза филигранно оросила их узлы, подушки на кушетке и сухое одеяло — ни капли не пропало даром. Даже сам он промок до нитки.

Ну как можно быть таким неуклюжим? Словно свинья в прошлой жизни! У-у-у...

— Ничего страшного, я и не говорил, что ты сделал это специально, — Линь Цинмэн встал, подошел к кушетке и оценил масштаб бедствия — всё насквозь мокрое, спать здесь точно нельзя.

Он посмотрел на Фэн Синхэ, с которого все еще капала вода.

— Снимай одежду, доставай все мокрое из узлов и развешивай на деревянной балке.

Взмахнув рукой, он воздвиг за балкой стену из огня высотой в человеческий рост.

— Суши, к утру все высохнет.

Когда он вернулся в кровать, то лег ближе к краю, на этот раз явно оставляя место для другого. Просто лежать рядом и спать — это ведь не считается чем-то зазорным, правда?

Фэн Синхэ сначала закрыл окно, а затем бережно развесил мокрые вещи. Но что делать с одеждой, которая была на нем? Ему хотелось самому повиснуть на балке и просохнуть.

— Ты еще не идешь спать? Собираешься стоять здесь до рассвета?

В холодном голосе Учителя слышались нотки гнева. Фэн Синхэ решил, что, должно быть, снова помешал ему отдохнуть. Он в три прыжка оказался у стола и одним дуновением задул масляную лампу.

Затем он проворно разделся, повесил мокрую одежду сушиться и, неловко вытянувшись, лег на самый край кровати, едва укрывшись уголком одеяла.

Холодный ветер пробирал до костей, Фэн Синхэ то и дело вздрагивал. Окно ведь закрыто, откуда дует? Ему пришлось съежиться и зарыться в одеяло с головой.

Ухо уловило равномерное дыхание. Учитель спит?

Словно поддавшись наваждению, Фэн Синхэ осторожно повернулся. В слабом лунном свете, подсвеченном отблесками огня, он принялся внимательно изучать лицо спящего человека.

Учитель спал на спине. Длинные густые ресницы, высокий прямой нос, изящный кончик носа, губы...

Фэн Синхэ сглотнул. Ему внезапно стало жарко. Как раз в тот момент, когда он собирался тихонько отвернуться, Учитель перевернулся на бок, и его безупречное лицо оказалось прямо перед глазами Фэн Синхэ.

Достаточно лишь податься вперед, чтобы коснуться губ...

В горле пересохло, он невольно облизнулся. Один поцелуй, только один, совсем легкий, Учитель не узнает. Нет, нельзя! Это же Учитель, ему за сто лет, он старше родного деда!

Да какая разница, сколько ему лет? Хоть тысяча, это не мешает ему быть таким красивым. Умереть под цветами пиона — умереть достойно.

А-а-а, Фэн Синхэ, остынь! Это же Учитель! Раз учитель — значит, как отец на всю жизнь, нельзя творить такие бесчеловечные вещи!

В тот самый момент, когда он боролся с самим собой, Линь Цинмэн внезапно откинул одеяло правой ногой и, словно осьминог, обхватил Фэн Синхэ руками и ногами. Уткнувшись головой ему в плечо, он нашел удобную позу и заснул еще крепче.

— Учитель?

— Учитель?

— Учитель... — Фэн Синхэ застыл, не смея пошевелиться. Он произнес несколько слов едва слышно, но спящий лишь недовольно заворочался и обнял его еще крепче.

Они лежали лицом к лицу. Стоило чуть опустить голову, и он мог бы поцеловать Учителя в гладкий лоб.

Боже, если он не поцелует его сейчас, разве он после этого мужчина?

В момент, когда губы коснулись кожи, Фэн Синхэ едва заметно вздрогнул. Ему хотелось продолжить, опуститься к губам, к шее, еще ниже...

Но спустя мгновение он пришел в себя. Отодвинувшись к самому краю кровати, он запрокинул голову, закрыл глаза и сжал зубы, пытаясь унять сбивчивое дыхание.

Как он мог посметь желать Учителя?

Фэн Синхэ остался лежать в крайне неудобной позе, окоченев от напряжения. Лишь под утро Линь Цинмэн отпустил его и перевернулся лицом к стене.

Освободившись, он поспешно, стараясь не шуметь, встал, надел сухую одежду и выскочил из комнаты. Найдя густое дерево, он ловко забрался на самую вершину.

Как только дверь закрылась, Линь Цинмэн открыл глаза, тихо рассмеялся и перевернулся на другой бок. Похоже, этот глупый мальчишка, потерявший память, стал куда доступнее.

Фэн Синхэ сидел на ветке, прислонившись к стволу, и с закрытыми глазами вспоминал лицо, которое было так близко прошлой ночью.

— Учитель... — Ветка под ним слегка дрожала, роняя листья, которые кружились в потоках утреннего ветра.

— У-ух... — он тяжело дышал, пытаюсь успокоиться, но внутри кипела досада. Он корил себя: Фэн Синхэ, ну и негодяй же ты, одни только грязные мысли на уме!

Ровно в час кролика Линь Цинмэн «проснулся».

— Учитель, вы проснулись? Я как раз принес воды, умоетесь?

Глядя на опрятного и посвежевшего ученика, Линь Цинмэн редкостно улыбнулся:

— Хорошо, спасибо тебе.

От кровати до подставки было всего несколько шагов. Он бросил на Фэн Синхэ несколько взглядов — тот сейчас слишком худой, вот вернуться на гору Чжаояо, надо будет построить очаг и начать кормить его по-человечески.

Покинув постоянный двор, они шли еще четыре дня и наконец добрались до подножия горы Чжаояо.

Самой высокой вершиной здесь был Пик Циу, который был намного выше Пика Инъянь. Говорят, его вершина — самое близкое к солнцу место на континенте.

У подножия был скрыт барьер, стоило лишь переступить черту, как воздух вокруг сразу стал теплее. На горе буйно росла растительность, щебетали птицы, повсюду благоухали цветы, а мелкие зверьки бегали стаями — за полчаса пути мимо них пробежало не меньше десятка. Трава Чжуйюй, которой они питались в пути, здесь росла густыми зарослями на каждом шагу.

— Как вкусно пахнет!

Едва войдя в горы, Фэн Синхэ уловил сладковатый аромат, который становился все сильнее, стоило им подняться выше.

— Это османтус, — Чжан Мин указал на деревья. На горе Чжаояо их было множество, и большая часть веток была усыпана маленькими гроздьями цветов. Ветер разносил их аромат по всей округе.

Эти деревья цвели по очереди, в зависимости от своего возраста, поэтому, в отличие от Девяти Областей, где цветение было сезонным, здесь аромат османтуса стоял круглый год.

— Младший соученик, посмотри сюда, — Чжан Мин похлопал по дереву с необычной корой, которое выглядело почти как бумажное дерево, но ствол его был угольно-черным. — Это Мигу. Если когда-нибудь заблудишься, просто отломи ветку, она укажет тебе дорогу.

Фэн Синхэ широко открыл глаза от изумления. Вот что значит священная гора! Всю дорогу он то и дело трогал всё вокруг, восхищаясь: эта гора Чжаояо была во много раз лучше, чем гора Тайхуа.

<http://bllate.org/book/22359/2344018>